

А. Е. Михневич (Минск)

К СЕМИОТИКЕ СМЕХА

...Что мы имеем в виду, когда говорим море?

Огромное ненасытное чудовище или ту волну, что пенится у наших ног? Воду, что можно зачерпнуть ладонью, или непроглядную бездну? Выражаем ли мы всё это одним словом или под одним словом скрываем всё это?

Алессандро Барикко. Море-океан.

Что мы имеем в виду, когда говорим *смех*?

«Всякое явление есть знак самого себя. В этом случае явление как объект и то же явление как знак полностью тождественны: это нулевая ступень знаковости...» [11, с. 254]. Можно предположить, что нулевая ступень знаковости характеризует лишь физиологический смех в противоположность смеху содержательному, поскольку последний может получать высшую степень коммуникативной значимости – служить отдельным высказыванием, репликой в диалоге [9, с. 87]. План содержания смеха – знака не-нулевой ступени как коммуникативно значимого феномена – может быть охарактеризован формулой Ф. М. Достоевского: «...смех есть самая верная проба души» [5]. В другом месте он писал, указывая на знаковость смеха: «Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что по смеху можно узнать человека, и если вам с первой встречи приятен смех кого-нибудь из совершенно незнакомых людей, то смело говорите, что это человек хороший» [4].

Способность человека «улыбаться, ухмыляться, осклабляться, усмехаться..., показывать выражением уст и лица расположение к смеху» (В. И. Даль) предполагает и способность читать подобные знаки и интерпретировать их. «Как и у животных, так и у человека однозначность перцепции мимики зависит от знания эмоциогенной ситуации» [13, с. 196]. Известно, что Л. Н. Толстой описывал 85 оттенков выражения глаз и 97 оттенков улыбки, раскрывающих эмоциональное состояние человека [10, с. 220].

Неоднозначность смеха как эмоции *sui generis* отмечалась неоднократно. В том числе и парадоксально, как у Г. Лессинга: можно смеяться и быть при этом очень серьёзным. Сошлёмся на развёрну-

тое суждение Жан-Поля: «Смех физический – или следствие духовного, и тогда он с тем же успехом служит и выражению боли в гнев, буйству, отчаянии и т. д., или же он возник, не вызванный духом, и тогда он просто причиняет боль, как смех при ранениях диафрагмы, в припадке истерии, даже от щекотки. Впрочем, один и тот же член тела может следовать самым разным движениям духа: одна и та же слеза – и роса радости, и грозная капля боли, и ядовитый пот гнева, и святая вода восторга. Объяснить смехом физическое удовольствие от духовного смеха значило бы источником сладких элегических слёз считать призыв к опустошению глаз» [6, с. 144–145].

Показательно также, что в семантике латинского *ridere* первое, «физиологическое» значение слова чётко отграничивается от других, «содержательных» значений: (1) ‘смеяться’ – (2–6) ‘быть весёлым, казаться милым; блистать; насмеяться, издеваться, осмеивать; не обращать внимания, ни во что не ставить, пренебрегать; шутить, говорить в шутку’. Наличие этих значений, сопровождающих результат действия «одного и того же универсального мимического механизма» [7, с. 350], свидетельствует о том, что смех действительно имеет знаковую природу и выполняет определённую полезную общественную функцию [1, с. 188]. У содержательного смеха всегда есть «желаемое знаковое устремление», «психологическая устремлённость к объекту», так называемая «эгональ» [2, с. 99].

Семиотически знаковую дифференциацию «мимема смеха» получает не только в динамике и статике смеховой гримасы, но и на фонетико-интеръективной стадии своего выражения, что позволило специалистам выделить такие типы звуковой реакции, как смех на *-а* (*ха-ха-ха*), «идущий от сердца»; смех на *-э* (*хе-хе-хе*), «не слишком симпатичный»; смех на *-и* (*хи-хи-хи*), «скрытный, хитрый»; смех на *-о* (*хо-хо-хо*), «издевательский и протестующий»; смех на *-у* (*ху-ху-ху*), «не настоящий смех, скрывающий страх» [12, с. 184].

В плане семиотики эмоций смех может рассматриваться как разновидность общих психологических жестов, на основе которых возникают жесты актуализированные, индивидуальные. Смех, таким образом, есть знак в системе языка человеческой психики. Как писал более полувека назад тонкий аналитик актёрской психологии М. А. Чехов, который вплотную приблизился к решению проблемы

знаковости жестов, «мы совершаем в душе эти жесты, скрытые в словесных выражениях» [12, с. 99].

«В словесных выражениях», то есть в знаках естественного языка, находит наиболее полное по вербальной детализации означение человеческих эмоций, снятие онтологической омонимии содержательного смеха. С точки зрения теории двусоставности языкового знака в этих целях используется явная форма знака – словосочетание, что фиксируется в соответствующих текстах и в наиболее ясной и обозримой форме – в словарях. Смех, по В. И. Далю, есть «хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потеха, взрыв веселого расположения духа; но есть и смех осмеяния, смех презрения, злобы и проч.». В этом же словаре фиксируются и такие знаки, как смех простодушный, смех злостный, смех злорадный, смех задушевный и под.

«Словарь эпитетов русского литературного языка» выделяет несколько групп прилагательных-определений к лексеме *смех* [3, с. 410–413]: слова, характеризующие смех по степени громкости, продолжительности, характеру звучания (*басистый, гортанный, гулкий, громкий, утробный* и т. д.); слова, обозначающие смех, выражающий какое-либо чувство, настроение, состояние, черты характера человека (*благодарный, весёлый, злобный, лукавый, презрительный, холодный, язвительный* и под.); редкие определения (*бубенчиковый, домашний, полный, сытый* и др.). В сумме вторая и третья группы включают около 120 эпитетов, но реальный список этим, разумеется, не исчерпывается. К нему можно отнести и некоторые прилагательные из первой группы, имеющие эмоционально-видовое значение (*бешенный, деревянный, отчаянный, сонный, тупой*), и лексемы, не отмеченные в упомянутом словаре (*виноватый, детский, просительный, раздражительный, дежурный, идиотский, нахальный, усталый, гневный*), и эпитеты, сочетающиеся с единицами «полевого окружения» концепта *смех*: улыбка, хохот, оскал, усмешка, осклаб, хихиканье, смешок, ухмылка и т. д.

К семиотике смеха-эмоции и смеха – словесного знака должна быть добавлена семиотика богатейшего языка «смеховой культуры», теоретическое обоснование которой как особого культурно-психологического и эстетического феномена связано в первую очередь с именем М. М. Бахтина. Этот феномен – отражение способности человека к комической оценке действительности [8, с. 208]. Подобная оценка приобретает форму иронии, сатиры, гротеска, пародии

дии, карнавала, выходящих в своей материальной манифестации далеко за пределы чисто словесного творчества и представляющих собой эстетические произведения, единый дух которых – смех.

1. *Бергсон А.* Смех // Психология эмоций. Тексты. М., 1984.
2. *Бродецкий А. Я.* Внеречевое общение в жизни и в искусстве. Азбука молчания. М., 2000.
3. *Горбачевич К. С., Хабло Е. П.* Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979.
4. *Достоевский Ф. М.* Записки из мёртвого дома // Собр. соч. Т. 3. М., 1982.
5. *Достоевский Ф. М.* Подросток // Собр. соч. Т. 3. М., 1982.
6. *Жан-Поль.* Приготовительная школа эстетики. М., 1981.
7. *Карасёв Л. В.* Парадокс о смехе // Квинтэссенция. М., 1990.
8. *Кононенко Б. И.* Культурология в терминах, понятиях, именах. М., 1999.
9. *Müllerová O.* Smích jako výraz spolupráce a konfliktu v dialogické komunikaci // Świat humoru. Opole, 2000.
10. *Платонов К. К.* Занимательная психология. М., 1962.
11. *Степанов Ю. С.* Основы языкознания. М., 1966.
12. *Фомин Ю. А.* Психология делового общения. Мн., 2000.
13. *Szewczuk W.* Atlas psychologiczny. Warszawa, 1976.